

Читательские заметки по поводу книги М. М. Бахтина *Проблемы творчества/поэтики Достоевского* / *Readers' Notes on the Book by M. M. Bakhtin Problems of Dostoevsky's Creation/Poetics* / *Observações de leitura sobre o livro de M. M. Bakhtin Problemas da criação/poética de Dostoiévski*

*Nikolai L. Vassiliev**

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются некоторые интригующие вопросы, связанные с книгой М. М. Бахтина *Проблемы творчества/поэтики Достоевского* (1929; 1963): ее значение в истории гуманитарной науки в СССР; религиозные подтексты книги; черновые наброски ученого к переизданию монографии; эволюция и противоречия философской и литературоведческой методологии исследования; преемственность «металингвистических» идей ученого с античными (Аристотель) и западноевропейскими («школа Фосслера») корнями; отражение в переиздании книги бахтинской онтологической категории «большое время»; разграничение автором понятий «творчество» и «поэтика» в отношении произведений Достоевского; технические возможности сравнения изменений метаязыка книги, доступные в виде объединенных терминологических и именных указателей в первом опыте публикации двух изданий книги в одном томе, осуществленном петербургским издателем и филологом Д. А. Юновым.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: М. М. Бахтин; Ф. М. Достоевский; *Проблемы творчества Достоевского*; *Проблемы поэтики Достоевского*; Сравнительный анализ

ABSTRACT

The article deals with some intriguing issues related to the book by M. M. Bakhtin Problems of Dostoevsky's Creation/Poetics (1929; 1963), namely its significance in the history of humanitarian science in the USSR; religious implications of the book; rough sketches of the scientist for the reissue of the monograph; evolution and contradictions of the philosophical and literary research methodology; continuity of the scientist's "metalinguistic" ideas with ancient (Aristotle) and Western European ("Vossler's school") roots; reflection in the reissue books of the Bakhtin ontological category "Big time"; the distinction between the concepts "creation" and "poetics" in literary heritage of Dostoevsky; the technical possibility of comparing of the changes in the meta-language of the books available in a unified terminology and name pointers in the first experience of publishing two books in one volume, carried out by the St. Petersburg publisher and philologist D. A. Yunov.

KEYWORDS: *M. M. Bakhtin; F. M. Dostoevsky; Problems of Dostoevsky's Creation; Problems of Dostoevsky's Poetics; Comparative analysis*

* Мордовский Государственный Университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия; <https://orcid.org/0000-0003-2062-8156>; nikolai_vasiliev@mail.ru

RESUMO

Neste artigo são analisadas algumas questões intrigantes, ligadas ao livro de M. M. Bakhtin, Problemas da criação/poética de Dostoiévski (1929; 1963): sua importância na história das ciências humanas na União Soviética; os subtextos religiosos do livro; os esboços rascunhados do cientista para a reedição da monografia; as evoluções e as contradições da metodologia filosófica e da teoria literária na pesquisa; a continuidade das ideias “metalinguísticas” do cientista em relação às raízes antigas (Aristóteles) e da Europa Ocidental (“Escola de Vossler”); reflexo na reedição do livro da categoria metafísica bakhtiniana do “grande tempo”; delimitação pelo autor dos conceitos de “criação” e “poética” em relação à obra de Dostoiévski; as possibilidades técnicas de comparação das mudanças da metalíngua do livro, acessíveis em vista dos índices terminológicos e onomásticos presentes na primeira tentativa de publicação das duas edições em um volume realizada pelo editor petersburguês e filólogo D. A. Iúnov.

PALAVRAS-CHAVE: M.M. Bakhtin; F. M. Dostoiévski; Problemas da criação de Dostoiévski; Problemas da poética de Dostoiévski; Análise Comparativa

Введение

Обсуждаемая книга М. М. Бахтина продолжает оставаться актуальной, хотя ее эвристический потенциал за минувшие десятилетия отчасти “тиражирован” и редуцирован, отчасти недооценен или не востребован, а демократическая идея о равноправии “голосов”, социальной полифонии в советском и постсоветском обществе потеряла прежнюю злободневность¹. Сейчас это исследование объективно интересно более как факт истории гуманитарной мысли в СССР: скрытое взаимодействие филологии, философии и отчасти теологии в конкретной монографии, новаторская трактовка ученым уникальной художественной системы писателя, чье творчество в середине XX столетия находилось на родине под идеологическим запретом.

Цель данной статьи – обратить внимание на некоторые обстоятельства, связанные с первой авторской книгой Бахтина в контексте его научной эволюции – эксплицированного, невысказанного и подразумеваемого им.

¹ Мы не говорим в данном случае о рецепции книги на Западе, где ее восприятие имеет свою специфику (см., например: Jones, 1990; рус. пер.: Джоунс, 1998; см. также: Осовский, 2003).

1 Методологическая интрига

В 1970 г. в беседах с С. Г. Бочаровым, являвшимся, помимо прочего, формальным редактором второго издания книги, Бахтин высказал чрезвычайно интригующую мысль о *недосказанном* в своем труде:

Все, что было создано за эти полвека на этой безблагодатной почве под этим несвободным небом, все в той или иной степени порочно.
– Михаил Михайлович, <...> но что порочного в вашей книге о Достоевском?
– Ну что вы, разве так бы я мог ее написать? Я ведь там оторвал форму от главного. Прямо не мог говорить о главных вопросах.
– О каких, М.М., главных вопросах?
– Философских, о том, как мучился Достоевский всю жизнь существованием Божиим. Мне ведь там приходилось все время вилять – туда и обратно. Приходилось за руку себя держать. Только мысль пошла – и надо ее останавливать... Даже церковь оговаривал. <...> Если уж искать образ для мира Достоевского в духе его мировоззрения, продолжает Бахтин, то таким будет “церковь как общение неслиянных душ... или, может быть, образ дантовского мира...”² (БОЧАРОВ, 1993, с.71-72).

Одновременно Бахтин напомнил собеседнику, что он *философ*, вынужденный в советское время по идеологическим причинам трансформироваться в литературоведа, о чем прямо высказался при первом посещении его в 1961 г. в Саранске молодыми московскими учеными – В. В. Кожинным, С. Г. Бочаровым и Г. Д. Гачевым:

<...> он [Бахтин] с самого начала весьма решительно нам сказал: “Вы имейте в виду, я ведь не литературовед, я – философ”. <...> А потом... в этот же день или в какой-то из следующих, он опять-таки очень определенно сказал по тем временам достаточно рискованную фразу: “Вы имейте в виду, что я не марксист”. И повторил ее несколько раз... (КОЖИНОВ, 1992, с.113).

² Ср. в *Проблемах творчества/поэтики Достоевского*: “Мир Достоевского глубоко плюралистичен. Если уж искать для него образ, к которому как бы тяготеет весь этот мир, образ в духе самого Достоевского, то таким является церковь, как общение неслиянных душ, где сойдутся и грешники, и праведники; или, может быть, образ дантовского мира, где многопланность переносится в вечность, где есть нераскаянные и раскаявшиеся, осужденные и спасенные. Такой образ в стиле самого Достоевского, точнее, его идеологии, между тем как образ единого духа глубоко чужд ему” (БАХТИН, 2000, с.35; БАХТИН, 2002, с.34-35).

Далее С. Г. Бочаров вспоминает реплику Бахтина по поводу мнения собеседника о его книге:

Я возражал. Я сказал, что допустим, но это лишь умолчание, а имеющий уши да услышит. И разве он [Бахтин] не сказал своей книгой новое слово о Достоевском? И. главное: я считал (и считаю), что тот поворот от философской критики начала века к структурно-эстетическому рассмотрению Достоевского, какой осуществил Бахтин в своей книге, был глубоко плодотворен, он и позволил сказать “новое слово”. <...>

– Да, может быть, – отвечал М. М., – но это все литературоведение (вновь с некоторой гримасой). Это все в имманентном кругу литературоведения, а должен быть выход к мирам иным (БОЧАРОВ, 1992, с.72).

Итак, мы видим, что 75-летний автор двух изданий новаторского исследования о творчестве Ф. М. Достоевского с грустью констатировал, что ни в 1920-х, ни в 1960-х гг. ему – в условиях государственного атеизма в СССР – не удалось сказать о писателе то, что он, в действительности, хотел бы сделать... (Между тем, в таком случае следовало бы говорить не о *поэтике*, а о *мировоззрении* автора, частично воплотившемся в художественном творчестве.)

2 Имплицитное и эксплицитное. Марксизм или идеализм?

Отсюда напрашивается вопрос, о чем именно умолчал ученый в монографии о Достоевском, и предположение, что косвенно об этом можно было бы судить по черновым записям Бахтина – проспектам дополнений и уточнений к книге – в период подготовки ее переиздания, когда он, не будучи под гнетом идеологической цензуры и, соответственно, автоцензуры (!), мог актуализовать те или иные ранее высказанные смыслы, акцентировать подразумеваемые подтексты.

2.1 В распоряжении современного исследователя наследия Бахтина имеются 4 методологически важных текста, отражающих размышления автора в процессе обновления книги (их названия частично варьируются в печати):

- 1) “<План доработки книги *Проблемы поэтики Достоевского*>” (Бахтин, 1977) / “К переработке книги о Достоевском” (БАХТИН, 1979/1986, с.326-346) / “1961 год. Заметки” (БАХТИН, 1996, с.329-363);
- 2) “<К переработке книги о Достоевском. II>” (Бахтин, 1994) / “Достоевский. 1961 г.” (БАХТИН, 1996, с.364-374);
- 3) “Заметки 1962 г. – 1963 г.” (БАХТИН, 1996, с.375-378);
- 4) “<Дополнения и изменения к *Достоевскому*>” (БАХТИН, 2002, с.301-367).

Проанализируем их в плане интересующих нас возможных приращений «смыслов» и расширения герменевтических перспектив бахтинской интерпретации творчества русского классика.

2.2 В первой из указанных работ, особенно в ее расширенном варианте, ученый почти не касается религиозных вопросов, рассуждая о проблематике речевых жанров, чужом слове, лингвистике, металингвистических сущностях, карнавале, несколько раз при этом ссылаясь, что выглядит странно для “не марксиста”, на К. Маркса... Более того, сама концепция глобального *диалога* обрисовывается им как марксистский философский императив: “К. Маркс говорил, что только высказанная в слове мысль становится действительно мыслью для другого и только тем самым и для меня самого” (БАХТИН, 1996, с.338). Можно предположить, что марксистская догматика была – отчасти вынужденно – усвоена им к тому времени столь органично, что не вызвала реакции отторжения даже на уровне подсознания (см.: ВАСИЛЬЕВ, 2001; ВАСИЛЬЕВ, 2013, с.16–19). Хотя далее Бахтин рефлексировал:

После моей книги (но независимо от нее) идеи полифонии, диалога, незавершенности и т. п. получили очень широкое развитие. Это объясняется растущим влиянием Достоевского [?], но, прежде всего, конечно, теми изменениями в самой действительности [?], которые раньше других (и в этом смысле пророчески) сумел раскрыть Достоевский <...>

Преодоление монологизма. Что такое монологизм в высшем смысле. Отрицание равноправности сознаний в отношении к истине (понятой отвлеченно и системно). Бог может обойтись без человека, а человек без него нет. <...>

Достоевский часто перебивает, но никогда не заглушает чужого голоса, никогда не кончает его “от себя”, т. е. из другого, своего сознания. Это, так сказать, активность бога в отношении человека,

который [Бог] позволяет ему самому [человеку] раскрыться до конца (в имманентном развитии), самого себя осудить, самого себя опровергнуть. Это – активность более высокого качества (БАХТИН, 1996, с.341, 342, 660 – комментарии)³.

Первый из заявленных тезисов мыслителя, особенно в части утверждения “независимо от нее”, т. е. книги Бахтина, и “влияния Достоевского” на большевистскую бюрократию и пропаганду, по меньшей мере спорен: в советскую эпоху существовал как раз идеологический монизм, “монологизм” (см., в частности: ВАСИЛЬЕВ, 1991; ВАСИЛЬЕВ, 2013; ВАСИЛЬЕВ, 2013; ВАСИЛЬЕВ, 2015, с.267-272), – следовательно, как же в таких общественно-политических условиях, по существу тотальной гражданской войны, продолжавшейся несколько десятилетий, мог сформироваться полноценный общественный диалог... Небесспорна и вторая мысль ученого, что “Бог может обойтись без человека...”, – хотя бы потому, что он создал человека (с точки зрения атеизма – наоборот), а религия, церковь, в некоторых богословских трактовках, и есть связь, единение людей, диалог душ.

Далее Бахтин пишет:

У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого.

Всё это не есть философская теория Достоевского, – это есть его художественное видение жизни человеческого сознания <...> Достоевский сделал дух [sic!], т. е. последнюю смысловую позицию личности, предметом эстетического созерцания, сумел увидеть дух так, как до него умели видеть только тело и душу человека. Он продвинул эстетическое видение в глубь, в новые глубинные пласты, но не в глубь бессознательного, а в глубь-

³ Ср. также в *Проблемах творчества/поэтики Достоевского*, где Бахтин, на наш взгляд, хотя и завуалированно, со ссылкой на “чужое слово”, но все же ясно выражает свою позицию: “Его [Достоевского] героем был человек, и изображал он в конце концов не идею в человеке, а, говоря его собственными словами, ‘человека в человеке’. Идея же была для него пробным камнем для испытания человека в человеке... Энгельгардт недооценивает глубокий персонализм Достоевского. ‘Идей в себе’ в платоновском смысле или ‘идеального бытия’ в смысле феноменологии Достоевский не знает, не созерцает, не изображает. Для Достоевского не существует идей, мыслей, положений, которые были бы ничьими – были бы ‘в себе’. И ‘истину в себе’ он представляет в духе христианской идеологии, как воплощенную в Христе, то есть представляет ее как личность, вступающую во взаимоотношения с другими личностями” (БАХТИН, 2000, с.40–41; БАХТИН, 2002, с.40).

высоту сознания. <...> Сознание гораздо страшнее всяких бессознательных комплексов (БАХТИН, 1996, с.344-346)⁴.

Как видим, у Бахтина противоречиво, если не эклектично, смешиваются марксистские (*материя* и *дух*) и религиозные основы концептуализации сознания человека...⁵ Особенно любопытен в данном плане следующий материалистический пассаж, цель которого – легализовать творчество писателя в советском научном менталитете:

Достоевский дает всему этому идеалистическое освещение, делает онтологические и метафизические выводы (бессмертие души и т. п.). Но раскрытие внутреннего своеобразия сознания не противоречит материализму. Сознание вторично, оно рождается на определенной стадии развития материального организма, рождается объективно, и оно умирает (объективно же) вместе с материальным организмом (иногда и раньше его), умирает объективно (Бахтин, 1996, с.348).

Психологически интересен переход Бахтина на марксистский метаязык, что трудно объяснить только автоцензурой (в черновых записях) и, скорее, можно объективировать именно как феномен упомянутой нами “идеологической мимикрии”.

2.3 В заметках “Достоевский. 1961 г.” при желании, путем мысленной замены категории *автор* на феномен божественного начала⁶, можно предположить, что Бахтин рассуждает о сверхзадаче Достоевского как художника:

⁴ Замечательная реакция на фрейдистскую трактовку поведения человека, к критике которой Бахтин, вероятно, имел отношение как идейный соавтор книги В. Н. Волошинова “Фрейдизм” (Л., 1927).

⁵ Впрочем, комментатор *Проблем поэтики Достоевского* – С. Г. Бочаров и здесь видит герменевтическое откровение Бахтина: “Такова красивая формула: Достоевский ‘сумел увидеть [sic!] дух...’ <...> Этот теологический аспект теории авторства М. М. Б.<ахтина>, присутствующий потенциально как в АГ (<‘Автор и герой в эстетической деятельности>’. – Н. В.), так и в книге о Достоевском, проговаривается именно здесь, в непубличном, лабораторном тексте” (БАХТИН, 2002, с.478 – комментарий).

⁶ Ср. в *Проблемах творчества Достоевского*: “В результате такого идеологического подхода перед Достоевским разворачивается не мир объектов, освещенный и упорядоченный его монологической мыслью, но мир взаимно-освещающихся сознаний, мир сопряженных смысловых человеческих установок. Среди них он имеет высшую авторитетнейшую установку и ее он воспринимает не как свою истинную мысль, а как другого истинного человека и его слово. В образе идеального человека или в образе Христа представляется ему разрешение идеологических исканий. Этот образ или этот высший голос должен увенчать мир голосов, организовать и подчинить его <...> как последний

У героев Достоевского вся их жизнь и судьба растворяются в споре, в занимаемой ими диалогической позиции»; «Всякое переживание героя лежит на границе своего и чужого сознания, осознается из себя и из другого. Герой Достоевского всегда перед зеркалом, т. е. глядится на себя и на свое отражение в чужом сознании (БАХТИН, 1996, с.368).

Можно также думать, что Бахтин намекает на *теологическую* проблематику в следующем контексте:

Поставленная нами задача требует от нас и ряда определенных ограничений. Прежде всего мы не будем касаться конкретного... содержания поставленных Достоевским идеологических проблем, т. е. мы не дадим себя вовлечь в незавершенный диалог творчества Достоевского по существу... (БАХТИН, 1996, с.371).

Замечательна в этом плане осторожная оговорка ученого:

Творчество Достоевского никогда не сходило с повестки дня советского литературоведения. <...>
Задачи поэтики отступили на задний план перед очень важными задачами исторического изучения эпохи Достоевского и перед задачами критики отдельных реакционных идей в публицистике Достоевского и отчасти отдельных голосов в его полифонических романах (эта критика продолжала традиции революционных демократов, особенно Салтыкова-Щедрина и Горького) (БАХТИН, 1996, с. 374).

2.4 В «Заметках» 1962–1963 гг., где тоже много размышлений о поэтике Достоевского, Бахтин постулирует: “Проблема преступления как центральная проблема Достоевского. Преступление и грех” (БАХТИН, 1996, с.375). Если это в самом деле так, то о чем же не мог высказаться ученый ранее, что же осталось за пределами авторской вербализации в обсуждаемой книге?.. Неужели только религиозная категория *грех*, ставшая на уровне переносного значения общечеловеческой этической ценностью, антитезой законопослушности и добродетельности? Можно поспорить с ученым и по поводу “центральной

предел его художественного замысла, но в его творчестве этот образ так и не нашел своего осуществления (БАХТИН, 2000, с.68).

проблемы” творчества классика. Мы бы обозначили ее как отражение противоречивой сложности, диалектики человеческой души.

2.5 В “<Дополнениях и изменениях к *Достоевскому*>”, навеянных отчасти анализом новых работ о творчестве классика, представлены черновые и беловые материалы к книге для ее итальянского и русского переизданий (в первом случае можно предполагать бóльшую мыслительную свободу ученого), лишь частично использованные автором в итоге (см.: БАХТИН, 2002, с.505–506 – комментарии С. Г. Бочарова). Здесь Бахтин, кажется, более определен, например:

Раздвоенность Достоевского и ее социальные <и> личные причины (эпилепсия) <...>

Ведь если бы полифония была только результатом личной раздвоенности, болезни и т. п. и ничем другим, то не могла бы... стать положительным открытием, шагом вперед в развитии художественной литературы. Печальная эпоха ушла, и слава богу [sic!], но произведения остались, как образы, и это очень хорошо. Эпилепсия, если она действительно была одной из причин полифонии, не обесценивает ее (<Ю. В.> Манн). Меняются голоса, но полифония остается. Полифония – это не Достоевщина <...>

“Достоевщина” это реакционная монологическая выжимка из полифонии. Или это переведенный в психологический план культ раздвоенности и нерешенности. Существуют и другие оттенки Достоевщины (БАХТИН, 2002, с.301, 302, 304; ср. в *Проблемах поэтики Достоевского* – БАХТИН, 2002, с.45).

Расширяя представление о религиозности писателя, Бахтин размышляет:

У Достоевского всё живет только на своих границах с противоположным. Любовь граничит с ненавистью... Вера живет только на самой границе с неверием и понимает неверие, отражается в нем; атеизм на границе с верой. Высота встраивается в низ, добродетель в грех, чистота в порок; Неверие знает всё, что знает вера, вера – всё, что знает неверие. <...> Карнавальный [sic!] контакт веры с неверием (БАХТИН, 2002, с.344).

3 Влияние структурализма на позднюю методологию Бахтина

При этом ученый имплицитно оперирует, на наш взгляд, и категориями модного в 1960-х гг. структурализма, например: “Карнавальные контрастные пары:

лицо и зад, молодость – старость, жизнь – смерть, мудрость – глупость и т. п.” (БАХТИН, 2002, с.328) – в чем могло сказаться внимание ученого к работам Тартуской семиотической школы (см., в частности: ВАСИЛЬЕВ, 2010; ВАСИЛЬЕВ, 2012; ВАСИЛЬЕВ, 2013, с.355-370).

4 Богоискание vs карнавальность в интерпретации Бахтиным поэтики Достоевского

Парадоксально, но Бахтин фактически дезавуирует Достоевского как художника-реалиста, например:

Карнавального ощущения у Толстого, Тургенева, Гончарова почти вовсе нет. Они изображают жизнь в ее колее. Достоевский – жизнь, выходящую из своей колеи, нарушения нормального и естественного хода жизни». <...>
Вся жизнь вынесена из внутреннего пространства (интерьера) на порог. Внутреннее пространство (гостиная) превращено в площадь (скандалы, развенчания, суды и признания) <...>
Влияние готического романа и сентиментализма... (БАХТИН, 2002, с.328–329).

Ср. также противоречивые рассуждения ученого в первом и втором изданиях книги:

Достоевский в своей записной книжке дает замечательное определение своего художественного творчества: “При полном реализме найти человека в человеке <...> Глубины души человеческой” или то, что идеалисты романтики обозначали как “дух” в отличие от души, в творчестве Достоевского становится предметом объективно-реалистического, трезвого прозаического изображения. <...> И в том и в другом случае он был “наивен”, и сама романтическая ирония не могла уничтожить этой наивности <...>
Достоевский не психолог. Но в то же время Достоевский объективен и с полным правом может называть себя реалистом (БАХТИН, 2000, с.77).
В самом конце своего творческого пути Достоевский в записной книжке так определяет особенности своего реализма: “При полном реализме найти в человеке человека <...> Меня зовут психологом: не правда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой”. К этой замечательной формуле нам еще не раз придется возвращаться (БАХТИН, 2002, с.71).

В духе советского литературоведения Бахтин интерпретирует двойственность Достоевского как художника и мыслителя: “Как романист, он изобразил мысль, был художником идей, а не односторонним глашатаем определенных реакционных идей (которые он защищал как журналист)” [Бахтин, 2002, с.358].

В одном случае Бахтин, пожалуй, снова приближается к контурам того, о чем откровенничал с С. Г. Бочаровым, ср.:

Интерес к миру, в котором меня не будет. Проблема этического соллипсизма. <...> Это – энциклопедическая проблема и тема всего творчества Достоевского. Их содержательная глубина, которой мы не будем касаться (БАХТИН, 2002, с.348).

Итак, кабинетные заметки ученого в процессе доработки книги почти не позволяют увидеть какие-то новые, скрытые ранее, горизонты его возможной трактовки художественного диалогизма Достоевского и отчасти даже дают основание для выводов о его вполне марксистской интерпретации творчества писателя, а то и формально-структуралистской (карнавализация как системный художественный прием, бинарные оппозиции и т. п.).

5 На подступах к теологии Достоевского

Между тем в обоих изданиях книги есть осторожные (часто путем введения чужой, но не чуждой автору речи) подступы к теологическим вопросам, например:

В ответ Кавелину Достоевский в своей записной книжке набрасывает: “Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще непрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна – Христос. Но тут уже не философия, а вера, а вера – это красный цвет...” <...> В этих мыслях нам важно не христианское исповедание Достоевского само по себе, но те живые формы его идеологического мышления, которые здесь достигают своего осознания и отчетливого выражения. <...> Он предпочитает остаться с ошибкой, но со Христом... Чрезвычайно характерно вопрошание идеального образа (как поступил бы Христос)... <...> сопоставление диалогов Достоевского с диалогом Платона кажется нам вообще несущественным и непродуктивным, ибо диалог Достоевского вовсе не чисто познавательный,

философский диалог. Существенней сопоставление его с библейским и евангельским диалогом. Влияние диалога Иова и некоторых евангельских диалогов на Достоевского неоспоримо, между тем как платоновские диалоги лежали просто вне сферы его интереса. Диалог Иова по своей структуре внутренне бесконечен, ибо противостояние души богу – борющееся или смиренное – мыслится в нем как неотменное и вечное. Однако к наиболее существенным художественным особенностям диалога Достоевского и библейский диалог нас не подведет (БАХТИН, 2000, с.68–69, 173);

<...> ко всем этим героям приложимо то определение личности Ивана Карамазова, которое дал Зосима. Он дал его, конечно, на своем церковном языке, то есть в сфере той христианской идеи, в которой он, Зосима, живет. <...> “...Но благодарите творца, что дал вам сердце высшее, способное такою мукой мучиться, ‘горняя мудрствовать и горних искати, наше бо жительство на небесах есть’⁷. Дай вам бог, чтобы решение сердца вашего постигло вас еще на земле, и да благословит бог пути ваши!”... <...> Всем ведущим героям Достоевского дано “горняя мудрствовать и горних искати”...

<...> “Бобок” – один из самых коротких сюжетных рассказов Достоевского – является почти микрокосмом всего его творчества. Очень многие, и притом важнейшие, идеи, темы и образы его творчества... появляются здесь в предельно острой и обнаженной форме: идея о том, что “все позволено”, если нет бога и бессмертия души... связанная с этим тема исповеди без покаяния... (БАХТИН, 2002, с.97-98, 162).

6 Философ vs филолог

В связи с этим чрезвычайно интересен вопрос об общенаучной методологии Бахтина, реализованной, в частности, в книге о Достоевском, о том, кем он предстает в ней – филологом или философом... (см. также: БОЧАРОВ, 2006; БОНЕЦКАЯ, 2016). Заметки ученого, предшествующие переизданию книги, выдают скорее второе, что подтверждается и пожеланиями (требованиями) со стороны издательства, внутренних рецензентов об элиминации соответствующей

⁷ Перепев посланий апостола Павла “К филиппийцам” (гл. 3, стих 20) и “К колоссянам” (гл. 3, стихи 1-3). Ср.: “Наше же жительство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа (нашего) Иисуса Христа”, “Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную [т. е. справа от] Бога”; “О горнем помышляйте, а не о земном”, “Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге” (цит. по: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические: В русском переводе с параллельными местами. М., 1989. с.242, 245).

немарксистской терминологии, в частности любимых Бахтиным понятий *интенция, интенциональный* (см.: БАХТИН, 2002, с.480-483 – комментарий). По наблюдениям С. Г. Бочарова,

...эти черновые тексты (и особенно... “1961 год. Заметки”) содержат такой философский комментарий к теории полифонического романа, какой в самой книге открыто не проговорен. <...> Потеря терминов “интенция” и “интенциональный”, несомненно, была со стороны автора жертвой и означала известную утрату в единстве философского языка книги, поскольку термины эти были одними из центральных и стержневых, поддерживавших и скреплявших такое единство. <...> однако в следующем “третьем” издании... термин этот... в двух местах потихоньку в него возвращен; целью этого... было обозначить его присутствие в философском языке автора... а позже и еще в одном случае (БАХТИН, 2002, с.478, 486–492 – комментарий)

7 Скрытый смех Достоевского

Уже в предварительных материалах к переизданию книги заметно увлечение Бахтина идеями *карнавала*, которые он переносит в плоскость поэтики Достоевского, фактически меняя всю литературоведческую методологию исследования, например:

Редуцирование смеха в творчестве Достоевского <...> Проблема смеха в творчестве Достоевского (БАХТИН, 1996, с.375).

Наша концепция, как нам кажется, позволяет правильнее прощупать ту линию традиции художественной прозы, которая ведет к Достоевскому. Можно говорить о двух линиях: эпической линии и линии диалогической. <...> Линия диалогическая приняла в себя и впитала линию карнавально-гротескную. В диалогической линии вызревали будущие элементы полифонии (БАХТИН, 2002, с.328; ср. в “Проблемах поэтики Достоевского” – БАХТИН, 2002, с.123).

В чем же проявляется карнавализация в литературе? Карнавал – это особого рода зрелищная форма, зрелище без рампы, в котором все участвуют... Ареной является площадь (и прилегающие улицы) <...> Карнавал проник во многие европейские языки, в жестикуляционный фонд, в образное мышление европейских народов. <...> .

Материально-телесные символы, связанные с оплодотворением земли и тела. Карнавальные непристойности. <...> Карнавальная

смена всего, кризис и возрождение <...> Карнавализирующая сила Мышкина...

В центре романа (“Идиот”. – Н. В.) стоит по-карнавальному амбивалентный образ кн<зя> Мышкина... <...> В романе “Бесы” вся жизнь, в которой бесы действуют, изображена как карнавальная преисподняя... (БАХТИН, 2002, с.340–343, 346–347).

Если сравнивать концептуальный аппарат книги, то окажется, что в ее первом издании термин *карнавал* и производные от него слова фактически не фигурируют, тогда как во втором издании это понятие, бесконечно варьируясь, встречается десятки раз... (см.: Указатель терминов – БАХТИН, 1994, с.594; Предметный указатель – БАХТИН, 2000, с.766; БАХТИН 2002, с.747–749). Соответственно, в *Проблемах творчества Достоевского* имя Рабле вообще не упоминается (!), а в *Проблемах поэтики Достоевского* оно звучит весьма активно... (см. также: WELLEK, 1980).

8 “Код Рабле” vs “кода Достоевского”

Иначе говоря, после переключения с “кода Достоевского” (1920-е гг.) на “код Рабле” (1930–1950-е гг.) Бахтин склонен видеть если не буквальное влияние французского автора на русского классика, то, во всяком случае, глобальное воздействие элементов античной и западноевропейской литературной традиции в его произведениях. Можно думать, что речь идет не о великом гуманисте, писавшем о трагических разладах души, “униженных и оскорбленных”, а о феерической праздничной стихии, воплотившейся в его произведениях... Метафорически Бахтин, наверное, прав, но методологически его образы вряд ли удовлетворят строгую литературную компаративистику.

Напомним, в связи с этим две реплики со стороны авторитетных читателей бахтинских книг:

Критиковать Бахтина трудно, если учитывать страшные условия его биографии, но ты это делаешь с достоинством и в “академ.” тоне. За универсализацию, имеющую совершенно безобразный характер, его не хочется бранить: это увлечение “первооткрывателя”, тебе тоже хорошо известное, но, конечно, было бы страшно... если бы вслед за Бахтиным его поклонники

стали во всех периодах мировой литературы открывать “народное смеховое творчество” (В. М. Жирмунский – В. Б. Шкловскому. 6.IX.1970) (ЖИРМУНСКОЙ.; ЭЙХЕНБАУМ, 1988, с.321).

В научном отношении Тынянов, в определенном смысле, подобен Бахтину: конкретные идеи часто ложные, а концепции предвзятые... (Ю. М. Лотман – Б. Ф. Егорову. 31.VII.1984) (ЛОТМАН, 1997, с.331).

9 От метафизики к металингвистике

Нам уже приходилось подробно писать об одной яркой и, безусловно, новаторской черте второго издания книги Бахтина о Достоевском – теории металингвистики (ВАСИЛЬЕВ 1992; ВАСИЛЬЕВ 2013, с.91–101). В данном случае обратим внимание на еще два обстоятельства, связанные с этой концептуальной идеей ученого.

Во-первых, в момент написания нами статьи о “металингвистике” Бахтина⁸ еще не были опубликованы подготовительные материалы к переизданию книги о Достоевском – “<Дополнения и изменения к *Достоевскому*>”. В связи с этим есть возможность дополнить сказанное ранее о контексте всех высказываний Бахтина (особенно обрамляющих его книгу) о новой гуманитарной дисциплине, например:

Мы говорим о слове, а не о языке, так как имеем в виду конкретную и многогранную жизнь слова в его целокупности, а не язык как предмет лингвистики, полученный путем отвлечения от некоторых существенных сторон живого конкретного слова. Эти стороны изучаются философией языка и металингвистическими дисциплинами. Наши последующие анализы носят в основном металингвистический характер, что, конечно, не исключает и их теснейшей связи с лингвистикой.

С точки зрения узко лингвистического подхода между монологическим и полифоническим использованием слова в романе (вообще в художественной прозе) нельзя увидеть никаких существенных, принципиальных различий», «Диалогические отношения (в том числе и диалогические отношения говорящего к собственному слову) – предмет металингвистики. Двуголосые слова. <...> Мы охарактеризуем здесь ряд явлений, которые уже давно привлекали внимание литературоведов, занимавшихся вопросами стилистики (а также лингвистов, некоторых, например, школы Фосслера). С нашей точки зрения, фосслерианцы занимались не столько строго лингвистическими, сколько

⁸ Статья была сдана в печать “21.12.90”.

металингвистическими проблемами, т. е. изучали явления не в системе языка, а в формах их живого функционирования в различных областях культуры (преимущественно художественных). Явления эти, если их изучать по существу, т. е. как явления диалогической природы, выходят за пределы строгой лингвистики, т. е. металингвистичны (БАХТИН, 2002, с.355-356)

Новым здесь является то, что Бахтин возводит корни “металингвистики” к работам школы немецкого филолога К. Фосслера (1872-1949), труды которого в обоих изданиях книги не упоминаются (!), и одновременно позиционирует “металингвистические дисциплины” как нечто обособленное от собственно “философии языка”, что ранее, например в книге В. Н. Волошинова *Марксизм и философия языка* (1929), написанной в тесном контакте с Бахтиным, не делалось (см. также: ВАСИЛЬЕВ, 1998. С. 530–541; АЛПАТОВ, 2005. С. 344–346). Между тем, идеи Фосслера отразились и в книге Бахтина о Рабле (см., в частности: АЛПАТОВ, 2005, с.30; ПОПОВА, 2006, с.849–857). Отсюда можно заключить, что в своих главных монографических исследованиях Бахтин адаптировал идеи фосслерианства, служившие ему толчком к собственным размышлениям.

Во-вторых, вызывает интерес сам термин *металингвистика*, впервые фигурирующий у Бахтина в работе “Проблема текста <в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках>” (1959-1961), т. е. в период, непосредственно предшествующий переработке книги о Достоевском, где и будут намечены общие контуры новой науки. Нами в свое время было высказано предположение, что указанный термин заимствован ученым из работ американских структуралистов (см., например: ХЭМП, 1957/1964, с.109-110), хотя оригинально переосмыслен и перенесен на конкретную филологическую почву – применительно к анализу словесно-художественных форм (ВАСИЛЬЕВ, 1992, с.45). Позже, в докладе на XIV Международной Бахтинской конференции, финский исследователь М. Ляхтеэнмяки попытался обосновать американизированный статус термина (LÄNTEENMÄKI, 2011, с.16-17), как ранее это сделала в комментарии к работе Бахтина “Проблема текста...” Л. А. Гоготишвили (БАХТИН, 1996, с.641–642; см. также: АЛПАТОВ, 2005, с.341-342). В ходе развернувшейся устной дискуссии по докладу М. Ляхтеэнмяки (Д. В. Боснак, Н. Л. Васильев) прозвучали размышления об античных философских корнях термина *металингвистика*, появившегося по

аналогии с дихотомией *физика – метафизика*⁹. Эта догадка напрашивается, поскольку научная ментальность Бахтина укорена в греко-римской античности и немецкой философской мысли¹⁰. Впоследствии М. Ляhteэнмяки пришел к более радикальному выводу – о содержательном, хотя и косвенном, влиянии работ американских структуралистов на металингвистические идеи Бахтина (LÄNTEENMÄKI, 2012). С этим, однако, можно спорить, поскольку идеи Бахтина о “чужом слове” преемственно связаны с трудами самого ученого 1920-х гг. и отчасти его современников (Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов и др.) (см. также: БАХТИН, 2000, с.465-466 – комментарии С. Г. Бочарова). Например, в III части статьи “Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве” (1924 г.), посвященной разграничению строго лингвистических и внелингвистических (эстетических) сущностей в художественной речи, он почти вплотную приближается к упомянутому термину:

Метафизика слова... очень часто имеет место в исследованиях по поэтике самих поэтов (у нас В. Иванов, А. Белый, К. Бальмонт): поэт берет слово уже эстетизированным, но мыслит эстетический момент как принадлежащий существу самого слова и этим оправдывает его мифическую или метафизическую величину (БАХТИН, 2003, с.299).

В книге *Марксизм и философия языка* третья ее часть рассматривает проблематику “взаимоотношения авторской и чужой речи” (ВОЛОШИНОВ, 1995, с.326-380).

10 Окно в «большое время»

⁹ Ср.: “В I в. до н. э. греческий ученый Андроник из Родоса решил привести в порядок... т. е. исправить и заново переписать рукописи Аристотеля. В своем издании Андроник вслед за группой сочинений, относящихся к физике (*ta physika*), поместил группу трактатов, в которых Аристотель рассматривал вопросы, относящиеся к проблемам бытия и познания. Андроник объединил эти сочинения под названием “То, что [идет] после физики” (“*ta meta ta physika*”). Со временем термин этот... стал обозначать вообще все философские учения...” (АСМУС, 1976, с.5). Отсюда вытекает и “внутренняя форма” понимания Бахтиным термина *металингвистика*: “то, что остается за пределами внимания лингвистики”.

¹⁰ Ср., например, концепт М. Шелера *метасоциология*, на труды которого Бахтин ссылается в *Проблемах творчества Достоевского* (БАХТИН, 2002, с.60, 469).

Начиная с 1940-х гг. в работах Бахтина постепенно выкристаллизовывается понятие “большое время”, позже ставшее концептуальным для его мировоззрения (ВАСИЛЬБЕВ, 2017). В книге о Достоевском (1963 г.) эти размышления отразились лишь эхом, вскользь, по отношению к диалогу, полифонии мнений – в глобальном контексте фиксации интеллектуальной истории в “ноосфере”:

Некоторые исследователи (Вяч. Иванов, В. Комарович) применяют к произведениям Достоевского античный (аристотелевский) термин “катарсис” (очищение). Если понимать этот термин в очень широком смысле, то с этим можно согласиться (без катарсиса в широком смысле вообще нет искусства). Но трагический катарсис (в аристотелевском смысле) к Достоевскому неприменим. Тот катарсис, который завершает романы Достоевского, можно было бы – конечно, не адекватно и несколько рационалистично – выразить так: ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди (БАХТИН, 2002, с.187).

Однако в интервью польскому журналисту З. Подгужевицу (1971 г.), посвященном интерпретациям творчества Достоевского, Бахтин уже более решительно высказывается об этом:

В настоящее время Достоевский – это вершина, достигнутая в области диалогического понимания человеческой мысли, человеческих исканий. Конечно, этим ни в коем случае не обесцениваются все предшествующие звенья. Сократ останется Сократом. Вообще у меня есть термин – большое время. Так вот, в большом времени ничто и никогда не утрачивает своего значения. В большом времени остаются на равных правах и Гомер, и Эсхил, и Софокл, и Сократ, и все античные писатели-мыслители. В этом большом времени и Достоевский. И в этом смысле я считаю, что ничто не умирает, но все обновляется (БАХТИН, 2002, с.461).

11 От “творчества” к “поэтике” Достоевского

По поводу трансформации названия второго издания книги о Достоевском (Проблемы *творчества* → Проблемы *поэтики*), забавно, но по-человечески естественно, искаженного в Оглавлении соответствующего тома *Собрания сочинений* Бахтина (БАХТИН, 2002, с.799), обратим внимание на три момента. Во-

первых, термин *поэтика* активно используется ученым еще в статье “Проблема содержания, материала и формы...”, например:

Настоящая работа является попыткой методологического анализа основных понятий и проблем поэтики на основе общей систематической эстетики. Исходным пунктом нашего исследования послужили некоторые современные русские работы по поэтике, основные положения которых мы подвергаем критическому рассмотрению... (БАХТИН, 2003, с.265).

Во-вторых, в понимании Бахтина, этот термин концептуально уже понятия *творчество*, о чем исследователь писал в заметках “Достоевский. 1961 г.”:

Поэтика Достоевского (во введении как задача вступительного исследования). Огромная текстологическая работа, опубликование черновики, четырехтомное собрание писем, изучение творческой истории отдельных произведений. Наконец, работа по изучению эпохи Достоевского. Творчество Достоевского никогда не сходило с повестки дня советского литературоведения. Задачи поэтики отступили на задний план перед очень важными задачами исторического изучения эпохи Достоевского... (БАХТИН, 1996, с.374; см. также в “Проблемах поэтики Достоевского” – БАХТИН, 2002, с.46, 48).

Таким образом, Бахтин как бы отгораживается от внешних обстоятельств изучения *биографии* и *творчества* Достоевского, сосредоточивая внимание на технологии писательского самовыражения.

В-третьих, в предисловии к первому изданию книги Бахтин замечает: “Но и теоретические проблемы в пределах настоящей книги лишь поставлены. Правда, мы попытались наметить их решения, но всё же не чувствуем за собою права назвать нашу книгу иначе как *Проблемы творчества Достоевского*” (БАХТИН, 2000, с.67). К тому же ученый сочувственно и неоднократно ссылается на книгу Л. П. Гроссмана *Поэтика Достоевского* (М., 1925) (БАХТИН, 2000, с.20-24, 38-39, 73-74, 145-146 и др.), что вызывало в тот момент нежелательные переключки, ощущение дублирования темы.

12 Проблемы творчества Достоевского и Проблемы поэтики Достоевского: преемственность или конфронтация?

Впервые оба издания книги Бахтина о Достоевском (1929, 1963) были выпущены под одной обложкой Д. А. Юновым к 100-летию со дня рождения ученого – вместе с объединенными именным и терминологическим указателями (БАХТИН, 1994), что позволяет детально проследить эволюцию метаязыка исследователя, текстовые параллели, разночтения, экстраполяции, сокращения и дополнения.

Продуктивна и отчасти провокационна постановка вопроса, какая из двух редакций книги Бахтина о Достоевском ближе к методологии «бахтинского круга» как единого творческого тела, породившего ряд ярких гуманитарных монографий конца 1920-х гг.

Заключение

Сделаем выводы. Можно спорить, что в науке важнее: факты (позитивизм) или оригинальные, хотя и трудно верифицируемые, идеи и гипотезы (эвристика). В книгах Бахтина о Достоевском новаторские мысли подкрепляются нетривиальными историко-литературными параллелями, художественными фактами, незаурядной интеллектуальностью, эрудицией, четкой композицией и логикой изложения, академической стилистикой, базирующейся, впрочем, на разных научных “голосах” (античный, христианский, западноевропейский, дореволюционный, советский и отчасти структуралистский). Слово ученого о писателе осталось в Большом времени, а *диалог* о Достоевском и интерпретациях его творчества продолжается...

ЛИТЕРАТУРА

АЛПАТОВ, В. М. *Волошинов, Бахтин и лингвистика*. М.: Языки славянских культур, 2005.

АСМУС, В. Ф. *Метафизика Аристотеля*. *In.*: АРИСТОТЕЛЬ. *Сочинения*: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. с.5-50.

- БАХТИН, М. М. <План доработки книги “Проблемы поэтики Достоевского”> / вступительная статья и публикация В. В. Кожина *In.*: *Контекст 1976*: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1977. с.293-316.
- БАХТИН, М. М. *Эстетика словесного творчества* / Составление С. Г. Бочарова; подготовка текста Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгиной; примечания С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова [1979]. 2 ed. М.: Искусство, 1986.
- БАХТИН, М. М. <К переработке книги о Достоевском. II> / Публикация и предисловие В. В. Кожина; комментарии Н. А. Панькова. *In.*: *Диалог. Карнавал. Хронотоп*: Журнал научных разысканий о биографии, теоретическом наследии и эпохе М. М. Бахтина. 1994. № 1. с.70-82.
- БАХТИН, М. М. *Проблемы творчества / поэтики Достоевского*. 5 ed. / Примечания, именной и терминологический указатели <Д. А. Юнова>. Киев: НЕХТ, 1994.
- БАХТИН, М. М. *Собрание сочинений*. Т. 5 / Редакторы тома: С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготишвили. М.: Русские словари, 1996.
- БАХТИН, М. М. *Собрание сочинений*. Т. 2 / Редакторы том: С. Г. Бочаров, Л. С. Мелехова. М.: Русские словари, 2000.
- БАХТИН, М. М. *Собрание сочинений*. Т. 6 / Редакторы тома: С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготишвили. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002.
- БАХТИН, М. М. *Собрание сочинений*. Т. 1 / Редакторы тома: С. Г. Бочаров, Н. И. Николаев. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003.
- БОЧАРОВ, С. Г. Об одном разговоре и вокруг него. *In.*: *Новое литературное обозрение*. 1993. № 2. с.70-89.
- БОЧАРОВ, С. Г. Бахтин-филолог: книга о Достоевском. *In.*: *Вопросы литературы*. 2006. № 2. с.48-67.
- БОНЕЦКАЯ, Н. К. *Бахтин глазами метафизика*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- ВАСИЛЬЕВ, Н. Л. Диалог или диктат (к методологии общения). *In.*: *Диалог о диалоге*. Саранск: Издательство Мордовского университета, 1991. с.94-97.
- ВАСИЛЬЕВ, Н. Л. Теория металингвистики в филологической концепции М. М. Бахтина. *In.*: *М. М. Бахтин: Проблемы научного наследия*. Саранск: Издательство Мордовского университета, 1992. с.45-52.
- ВАСИЛЬЕВ, Н. Л. К истории книги “Марксизм и философия языка”. *In.*: БАХТИН М. М. <Тетралогия> / Составление, подготовка текста И. В. Пешкова; комментарии В. Л. Махлина, Н. К. Бонецкой, В. М. Алпатова, Н. Л. Васильева, И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 1998. с.530-541.
- ВАСИЛЬЕВ, Н. Л. М. М. Бахтин в Саранске: Опыт исследования идеологической мимикрии в условиях сталинизма. *In.*: *Культурное строительство в Мордовии (1930–1950-е годы)*; Материалы республиканской научно-практической конференции. Саранск: Мордовский республиканский музей, 2001. с.20-22.

ВАСИЛЬЕВ, Н. Л. Тарту – Саранск: два полюса «провинциальной» науки. *In: Невельский сборник*. Выпуск 16: По материалам 16 Невельских Бахтинских чтений (1–4 июля 2009 г.). СПб.: Лема, 2010. с.48-60.

ВАСИЛЬЕВ, Н. Л. Еще раз о диалоге между Тарту и Саранском (Ю. М.Лотман и М. М. Бахтин). *In: Невельский сборник*. Выпуск 18: По материалам 18 Невельских Бахтинских чтений (1–4 июля 2011 г.). СПб., Лема: 2012. с.46-50.

ВАСИЛЬЕВ, Н. Л. К методологии социального общения: диалог или диктат? *In: Язык. Культура. Коммуникация*: Материалы VI Международной заочной научно-практической конференции. Ульяновск: Издательство Ульяновского университета, 2013. с.4-8.

ВАСИЛЬЕВ, Н. Л. *Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина»: В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга*. М.: Либроком, 2013.

ВАСИЛЬЕВ, Н. Л. *Теория языка. Русистика. История советской лингвистики*. М.: Ленанд, 2015.

ВАСИЛЬЕВ, Н. Л. Концепт М. М. Бахтина “Большое время” как реальная жизненная практика и потенциальная этическая категория. *In: Проблема Хронотопа в современных научных исследованиях: Международный круглый стол, посвященный М. М. Бахтину* (Москва, 19–20 апреля 2017 года, Москва): Сборник докладов и статей. М.: Издательство ФГБНУ “ИХОиК РАО”, 2017. с.144-152.

ВОЛОШИНОВ, В. Н. *Философия и социология гуманитарных наук / Вступительная статья Н. Л. Васильева; составление и подготовка текста Д. А. Юнова*. СПб.: Аста-пресс ltd, 1995.

ДЖОУНС, М.-В. *Достоевский после Бахтина: Исследование фантастического реализма Достоевского / Пер. с англ. А. В. Скидана*. СПб.: Академический проект, 1998.

ЖИРМУНСКОЙ, Н. А.; ЭЙХЕНБАУМ, О. В. *Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского*. Публ. Н. А. Жирмунской и О. В. Эйхенбаум; прим. Н. А. Жирмунской и Е. А. Тоддеса. *Тыняновский сборник*. 3. Рига, 1988.

КОЖИНОВ, В. В. – Как пишут труды, или Происхождение несозданного авантюрного романа (Вадим Кожин рассказывает о судьбе и личности М. М. Бахтина). *In: Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 1992. № 1. с.109-122.

ОСОВСКИЙ, О. Е. *В зеркале “другого”: рецепция научного наследия М. М. Бахтина в англо-американском литературоведении 1960-х – середины 1990-х годов*. Саранск: Типография “Красный Октябрь”, 2003.

ПОПОВА, И. Л. История “Рабле”: 1930–1950-е годы. *In: БАХТИН, М.М. Собрание сочинений*. Т. 4 (1) / Редактор тома И. Л. Попова. М.: Языки славянской культуры, 2008. с.849-857.

ЛОТМАН, Ю. М. *Письма: 1940–1993 / Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии Б. Ф. Егорова*. М.: Языки русской культуры, 1997.

ХЭМП, Э. *Словарь американской лингвистической терминологии* [1957] / Пер. с англ. и дополнениями В. В. Иванова; под редакцией и с предисловием В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1964.

JONES, Malcolm V. *Dostoevsky after Bakhtin: Reading in Dostoevsky's fantastic realism*. Cambridge: University Press, N.Y.: Port Chester, 1990.

LÄHTEENMÄKI, M. On the origins of Bakhtinian metalinguistics. In: *The XIV Bakhtin Conference – Бахтинская конференция. 2011: Programme*. [Bologna: Università di Bologna, 2011]. p.16–17.

LÄHTEENMÄKI, M. Contextualising Bakhtin's Linguistic Ideas: The case of metalinguistics. In: *Historiographia Linguistica*. Vol. 39. № 2/3 (2012). p.305-326.

WELLEK, R. Bakhtin's view of Dostoevsky: "Polyphony" and "Carnavalesque". In: *Dostoevsky Studies*. N.Y., 1980. Vol. 1. p.31-39.

Received April 25, 2020

Accepted Jan. 31, 2021